

ХАНТЕР С.
ТОМПСОН

ПРОКЛЯТИЕ
ГАВАИЕВ

Издательство АСТ
Москва

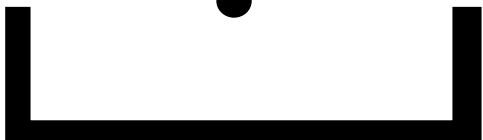
**ХАНТЕР С.
ТОМПСОН**

HUNTER S.
THOMPSON

**THE CURSE
OF LONO**

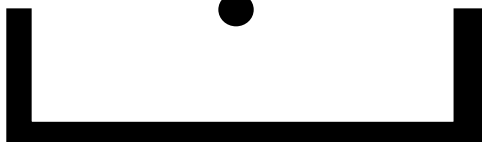

ХАНТЕР С.
ТОМПСОН

ПРОКЛЯТИЕ
ГАВАИЕВ

Издательство АСТ
Москва

УДК821.111(73)-311.2
ББК 84(7Сое)-44
Т56

Серия «От битника до Паланика»

Hunter S. Thompson
THE CURSE OF LONO

Перевод с английского *В. Миловидова*
Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения The Gonzo Trust
и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

All rights reserved.

Томпсон, Хантер С.

Т56 Проклятие Гавайев / Хантер С. Томпсон; [перевод с английского В. А. Миловидова]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 256 с. — (От битника до Паланика).

ISBN 978-5-17-169861-4

Еще одна книга «великого и ужасного» Хантера Томпсона, написанная в его уникальном стиле гонзо-журналистики, где реальность невозможно отделить от вымысла, а вымысел — от видений. Итак: следует ли считать торговцев недвижимостью сложившейся мафиозной группировкой? Почему Лоно, Отец Гавайев, покинул острова — и когда вернется? Как поймать самого большого на свете марлина и имеет ли отношение к рыбацкой удаче количество виски, высаженного рыбаками до, во время и после? Чем занять себя в тропическом раю в сезон дождей? И вопрос вопросов, которым рано или поздно задается каждый турист на Гавайях: ну почему аборигены съели Кука?

Хантер Томпсон отвечает на все вопросы — и отвечает за свои ответы...

УДК 821.111(73)-311.2
ББК 84(7Сое)-44

© The Estate of Hunter S. Thompson, 1983
© Перевод. В. Миловидов, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024
ISBN 978-5-17-169861-4

Полки надменных христиан пределы отдаленных стран
поработить своим мечом пришли.

Но злобный европейца нрав, своей улыбкою поправ,
не отдал он врагам своей земли.

Надгробный камень с той поры глядит на океан с горы —
здесь христианин кончил жизни срок.

И эпитафия гласит: «Увы, безумец здесь лежит,
что покорить мечом хотел Восток».

Редьярд Киплинг
«Наулака»

Романтический бог Лоно

В последнее время я немало писал о великом боге Лоно и о капитане Куке как одной из его персонификаций. Сейчас же, когда я нахожусь в доме Лоно и стою на земле, которую в давние времена попирала грозная нога бога — если, конечно, туземцы не лгут, что вряд ли, — я могу рассказать, кем он был.

Его идол, объект поклонения туземцев, представляет собой изящную, лишённую украшений статую высотой в двенадцать футов. Прозаические хроники рассказывают, что он был любимым богом жителей Гавайских островов — великий царь, впоследствии обожествлённый за свои достойные уважения дела — абсолютно наш обычай вознаграждать героев, с тем только исключением, что мы, вне всякого сомнения, провозгласили бы его главным почтмейстером, но не богом. В минуту гнева он убил собственную жену, богиню по имени Кайкилани Алии. Муки совести свели Лоно с ума, и традиция представляет нам уникальную историю странствующего пешком от деревни к деревне бога, который вызывал на борьбу или кулачный бой всякого, кто встречался ему на до-

Хантер С. Томпсон

роге. Конечно, такое времяпрепровождение вскоре потеряло для него остроту новизны, так как когда столь мощное божество посылает противника «на траву», тот с этой травы вряд ли когда поднимется. Поэтому бог приказал учредить в свою честь игры под названием *макахики*, а сам на треугольном плоту отправился в дальние страны, пообещав однажды вернуться. С тех пор бога никто не видел; плот же его, вероятно, затонул. Но люди на островах верили в его возвращение, а потому с легкостью приняли капитана Кука за воскресшего бога.

Марк Твен

«Письма с Гавайев»

25 октября 1980 года

Совиная Ферма

Дружище Ральф!

Сдается мне, старина, мы с тобой здорово влипли! Тут один недоумок из Орегона, по имени Перри, хочет подарить нам на Рождество месяцок на Гавайях, а мы с тобой за это сделаем для его журнальчика репортаж о Марафоне в Гонолулу. Называется журнальчик «Бег».

Догадываюсь, что ты думаешь об этом, Ральф. Но сишься по верхнему этажу своего старого особняка и

Проклятие Гавайев

орешь: почему я? И почему сейчас? Только-только стал уважаемым человеком, и вот!

Придется проглотить эту пилюлю, Ральф. Сегодня в Англии каждый может называть себя уважаемым человеком, но не каждому платят за то, что он согласен, высунув язык, участвовать в этом безумном суперсостязании под названием «Марафон Гонолулу».

Мы точно влипли в это дело, Ральф, но я на все сто уверен, что мы победим. Конечно, нужно будет потренироваться, но не слишком.

Главное — зарегистрироваться в качестве участников, а потом первые три мили лететь на всех парусах. Эти вонючие атлеты весь год пахали, чтобы блеснуть в Марафоне Гонолулу, настоящем суперкубке всех марафонов. Организаторы ожидают десять тысяч записавшихся, а бежать нужно двадцать шесть миль, и это означает, что поначалу они будут тащиться как черепахи... ведь двадцать шесть миль — это чертовски длинная дистанция, что ни говори, а потому истинные профессионалы на первых порах гнать не станут и начальные двадцать миль будут аккуратно экономить силы.

Но только не мы, Ральф. Мы сорвемся со старта, как настоящие торпеды, мы взорвем изнутри саму природу марафонского бега, промчавшись в спринтерском темпе первые три мили за десять минут, плечом к плечу.

Скорость, которую мы разовьем, взорвет им мозги, Ральф. Эти парни готовятся бежать, а не лететь; мы

Хантер С. Томпсон

же полетим, как ошпаренные суки, и будем лететь первые три мили — такой будет наша стратегия. Думаю, нам удастся завести себя до такой степени, что на контрольном пункте в конце третьей мили мы покажем девять минут пятьдесят пять секунд, и мы оторвемся так, что остальным нас и не видно будет. Так, в гордом одиночестве, мы перемахнем холм и выскочим на отрезок дистанции, который идет вдоль бульвара Ала Моана, все так же плечом к плечу, на скорости столь безумной, что даже судьи спячат, а те, что останутся в поле за нашими спинами, захлебнутся в слепой ярости и тупом бессилии.

Да, я еще тебя зарегистрировал участником в чемпионат по серфингу в Оаху, на двадцать шестое декабря. Мировой класс, лучшие мастера! Будешь с ними гонять по туннелям под гребнем волны у северного побережья.

Придется, правда, поработать над тем, чтобы держать равновесие на большой скорости, Ральф. Вряд ли ты захочешь свалиться, когда под гребнем десятиметровой волны будешь делать пятьдесят, а то и все семьдесят пять миль в час.

Мне не удастся разделить с тобой радость участия в чемпионате серферов — мой адвокат выставил серьезные возражения против этого, сославшись на мой анализ мочи и связанные с ним юридические последствия.

Зато я буду участвовать в печально известном Мемориальном бое петухов в Листоне с начальной ставкой

Проклятие Гавайев

в тысячу долларов. Это означает вот что: если ты выдержишься минуту в клетке с одним петухом, получишь тысячу, пять минут с одним — пять тысяч, две минуты с пятью петухами — десять тысяч долларов и так далее...

Это серьезное дело, Ральф. Гавайские бойцовые петухи за считанные секунды рвут человека в клочья. Здесь, дома, я тренируюсь с павлинами. Это сорокафунтовые птички, шесть штук, в клетке шесть на шесть метров, и мне кажется, я в этом деле уже прилично насобачился.

Пришло время порастрясти жирок, Ральф, оставить покой и снова появиться на публике. Ты же знаешь, дружище, мне тоже давно пора отдохнуть, и причины к тому более чем веские. Поэтому я искренне желаю, чтобы у нас все прошло без сучка без задоринки, и верю в глубине сердца, что так и будет.

Не о чем беспокоиться, Ральф! Мы сделаем это легко! Я уже снял небольшое поместье: два домика с пятидесятиметровым бассейном на самом берегу моря. Это на Алий-драйв в Конне, где круглый год сияет солнце.

Твой ХСТ

ГОЛУБАЯ РУКА

Мы были уже в сорока минутах от Сан-Франциско, когда экипаж наконец решился заняться проблемой с туалетом в первом классе. Дверь не открывалась с самого момента взлета, и теперь старшая стюардесса вытащила второго пилота из кабины и привела в салон. Тот появился в проходе рядом с моим креслом, держа в руках странный черный инструмент — не то фонарик с лезвиями, не то электрифицированную стамеску. Совершенно спокойно кивая, он вслушивался в горячий шепот стюардессы.

— Он мне отвечает, — говорила она, тыча длинным алым ноготком в табличку «занято» на двери туалета, — но я не могу его оттуда вытащить.

Второй пилот продолжал задумчиво кивать, повернувшись спиной к пассажирам и одновременно настраивая свой явно спецназовский инструмент.

— Личные данные? — спросил он стюардессу.

Та глянула в список, прикрепленный к планшету.

— Какой-то мистер Аккерман, — ответила она. — Адрес: почтовый ящик девяносто девять, Кайлуа-Кона.

Проклятие Гавайев

— Большой остров, — констатировал второй пилот.

Стюардесса кивнула, продолжая изучать поверхность планшета.

— Член клуба Красного Ковра, — сказала она. — Часто путешествует, но где бывал раньше — не сказано. Зарегистрировался в Сан-Франциско, первым классом, в один конец до Гонолулу. В поведении безупречен. Никакой дополнительной информации: отель не резервировал, машину не нанимал... — Она пожала плечами и закончила: — Очень вежливый, трезвый, спокойный...

— Вот-вот, — отозвался второй пилот. — Я таких знаю.

Глянув на свой инструмент, он размахнулся свободной рукой и резко хлопнул по двери.

— Мистер Аккерман! — позвал он. — Вы меня слышите?

Ответа из-за двери не последовало, но я находился достаточно близко, чтобы услышать, как упало сиденье унитаза и зажурчала вода.

Я не был знаком с мистером Аккерманом, но помнил, как он садился в самолет. Выглядел он как человек, который в прошлом мог быть профессиональным теннисистом в Гонконге, а потом занялся более крутыми делами. Золотой «Ролекс», белая льняная спортивная куртка; на шее — массивная золотая цепь из тайского золота, в руках — тяжелый кожаный портфель с наборным замком на каждом из многочислен-

Хантер С. Томпсон

ных карманов и кармашков... И никаких признаков того, что он способен закрыться в туалете сразу после взлета и оставаться там в течение целого часа.

Это слишком долго для любого полета. Подобное поведение неизбежно вызывает вопросы, которые, в конце концов, уже невозможно просто проигнорировать — особенно если дело происходит в просторном отсеке первого класса семьсот сорок седьмого «боинга», который летит из Сан-Франциско в Гонолулу. Пассажирам, которые платят такие деньги, совсем не улыбается перспектива стоять в очереди в единственный из оставшихся туалетов, в то время как какой-то придурок неизвестно чем занимается в другом.

Я был одним из этих пассажиров. Мои непростые отношения с Объединенными Авиалиниями обязывали меня, как я решил, непременно воспользоваться хромированным писсуаром в сортире с защелкой на внутренней стороне двери и провести там достаточное время, чтобы хорошенько облегчиться. До этого я шесть часов проболтался в зале клуба Красного Ковра в аэропорту Сан-Франциско, переругиваясь с билетными агентами, накачивая себя алкоголем и стараясь отогнать волны странных воспоминаний...

Где-то на полпути между Денвером и Сан-Франциско мы решили поменять самолет и очередной этап нашего путешествия провести в семьсот сорок седьмом. Десятый «ди-си» хорош для коротких перелетов и для сна, но семьсот сорок седьмой — это то, что нужно профессионалу в длительной поездке, осо-